

Прытков Владимир Павлович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

Селезнев Владислав Михайлович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

КРИЗИС РАЦИОНАЛЬНОСТИ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация:

В статье анализируются историко-философские, идеологические и политические факторы, порождающие кризис рациональности в современном обществе. Предпосылки данного кризиса сформировались в средневековой западноевропейской философии. Философский иррационализм XIX в. оказал влияние на все сферы общественной жизни. Анализируется всемирный кризис в образовании и предлагается путь выхода из него, основанный на самобытности русской культуры.

Ключевые слова:

глобализация, европейская культура, идеология, информатизация, кризис, наука, образование, политика, рациональность, русская культура, ценности, человечество.

Prytkov Vladimir Pavlovich

PhD,
Assistant Professor, Philosophy Department,
Urals Federal University
named after the first Russian President Boris Yeltsin

Seleznev Vladislav Mikhailovich

PhD,
Assistant Professor, Philosophy Department,
Urals Federal University
named after the first Russian President Boris Yeltsin

CRISIS OF RATIONALITY AS A GLOBAL PROBLEM OF THE MODERNITY

Summary:

The article discusses historical and philosophical, ideological and political factors generating the crisis of rationality in the modern society. Prerequisites of this crisis are formed in the medieval West European philosophy. The philosophical irrationalism of the XIX century had impact on all the spheres of public life. The author considers the world crisis in education and the way of overcoming it, basing on the identity of the Russian culture.

Keywords:

globalization, European culture, ideology, informatization, crisis, science, education, policy, rationality, Russian culture, values, mankind.

Идея Разума красной нитью проходит сквозь всю историю мировой и особенно европейской культуры. «Разум дороже всех богатств мира», – утверждали древние мудрецы. При этом они осознавали не только его ценность, но и прикладной, инструментальный характер: «Самое лучшее – разум, так как землю можно подчинить себе силою разума» [1, с. 20]. Для мыслителей Афинской школы разум есть единство познавательного и нравственного начал и, следовательно, условие счастливой жизни. На вопрос, кого можно считать счастливым, Сократ ответил: «Того, у кого честный образ мыслей и острый ум» [2]. «Последний римлянин» Бозций учил, что на вопрос о сущности Сократа следует ответить «Человек» и дать определение: «Человек есть живое (ближайший род) разумное смертное (отличительные признаки)». Под влиянием этой дефиниции Карл Линней в своей классификации животных, изложенной в Systema Natural (1758 г.), навсегда определил наше место в природе: человек – это представитель рода Homo, вида sapiens, то есть **Человек разумный**. В конце XVIII в. Кант провозгласил, что философия – это «законодательство человеческого разума» [3, с. 611]. Ныне общепризнанно, что «золотым веком» рациональности явилась эпоха Нового времени и Просвещения. Идея рациональности выступила как фундамент «проекта Просвещения», который на протяжении двух столетий «служил определяющим ориентиром европейской цивилизации» [4, с. 5], одной из основных ценностей европейской культуры. По поводу этих ценностей, как известно, в последние годы разгорелись горячие споры не только в академической среде, но и в широких кругах, что демонстрируют нам СМИ и Интернет.

В процессе указанных дискуссий сформировалась позиция, сторонники которой заявили о принципиальной отрицании идеи рациональности: «Реально вообще не существует такого объекта, как рациональность, ее идея есть заблуждение и обман. Причина того, что все альтернативы рационально эквивалентны, коренится в том факте, что **рациональность – пустое понятие**» [5, с. 35] (подчеркнуто мною – В.П.). Аналогичные воззрения пропагандировал известный американский философ и методолог науки Пол Фейерабенд (1924–1994), давший своей послед-

ней книге откровенно провокативное название [6]. Он утверждал, что не существует «объективных» причин для предпочтения науки и западного рационализма другим традициям (например, традициям африканских племен). Суждения Фейерабенда во многом совпадают с аргументами постмодернистов (в частности, Ж.-Ф. Лиотара), усилиями которых критика сциентизма трансформировалась в критику научной рациональности и эскалацию иррационализма. Тема кризиса рациональности выходит за дисциплинарные границы философии науки и философии в целом, поскольку речь идет об исторической судьбе человечества.

Цель данной статьи – обосновать тезис о том, что в условиях становления информационного общества кризис рациональности заметно обостряется и превращается в глобальную проблему современности.

Начнем с уточнения ключевых понятий. *Глобальные проблемы современности* – это социальные проблемы, затрагивающие интересы человечества в целом и каждого отдельного человека в частности. К ним относят следующие: 1) угрозу мировой термоядерной войны, поддерживаемую гонкой вооружений; 2) истощение топливно-энергетических и других природных ресурсов; 3) продовольственную, то есть призраки катастрофического голода в развивающихся странах; 4) демографическую; 5) экологическую; 6) неравномерность социально-экономического развития государств – растущую пропасть между «золотым миллиардом» и всеми остальными. Специалисты по глобалистике не исследуют, как правило, антропологические и культурные противоречия современного мира, абстрагируются от констатаций философов о «смерти Бога» (Ф. Ницше) и о «смерти человека» (М. Фуко). Однако необходимо анализировать указанные проблемы прежде всего в контексте грядущей **«антропологической катастрофы»** [7, с. 7], которая игнорируется современными политиками как на Западе, так и в России.

Концепт *«рациональность»* становится все более расплывчатым; для решения нашей задачи можно ограничиться требованиями а) законов формальной логики – ясность и недвусмысленность понятий и суждений, непротиворечивость и обоснованность тезисов и аргументов и б) методологических принципов научного мышления, таких как познаваемость, эмпирическая верифицируемость (или фальсифицируемость), операциональная интерсубъективность [8, с. 220–222] и т. п. Концепт *«информационное общество»* давно и широко используется в научной литературе [9], однако сейчас подвергается критике и проблематизации. Наконец, понятие *«кризис»* было освоено философами в XIX в.: действительно, Владимир Соловьев 140 лет назад писал о том, что философия «окончила свое развитие и перешла безвозвратно в мир прошедшего» [10, с. 5].

Кризис рациональности – это сложное многоплановое социокультурное явление, которое может быть осмыслено посредством *многофакторных* моделей социокультурной динамики (П.А. Сорокин). С точки зрения аристотелевой логики, любое атрибутивное суждение имеет субъект-предикатную структуру. Следовательно, предикат «быть рациональным» может характеризовать такие разные логические подлежащие, как «мир в целом», «часть мира», «знание о мире», «действие (поступок)», «цель» и т. д. Далее будем понимать его в трех последних значениях. Кроме того, как в индустриальном, так и в постиндустриальном (информационном) обществе существует триада «философия – идеология – политика», выполняющая важнейшие социальные функции, каждое звено которой имеет амбивалентный характер. Указанная триада определяет последовательность нашего анализа и дальнейшего изложения.

I. Кризис рациональности в истории европейской философии. Проблема происхождения философии издавна связывается с известной формулой «от Мифа к Логосу», впервые введенной И. Дерфером и В. Нестле, воспроизведенной у нас Ф.Х. Кессиди и многократно повторенной другими авторами. Однако эта формула, как справедливо отметил А.С. Богомолов, способна ввести в заблуждение, представив переход этот как линейное движение «от... к...», поэтому она допускает различные толкования. Таковы, например, вариант К. Поппера, отличающийся сциентистской рационализацией перехода, и вариант М. Хайдеггера, отмеченный романтической мифологизацией [11, с. 183]. Историки философии – в частности Э. Целлер – выделяют две сущностные черты античного мышления: а) принцип детерминизма, утверждающий, что все явления подчинены одним и тем же причинам, и б) свободу мышления. Необходимо подчеркнуть, что в древнегреческой культуре указанные принципы – *детерминизм* и *свобода* – не отрицают друг друга, поскольку мифические и эпические герои часто совершают поступки вопреки судьбе. Об этом в начале «Одиссеи» говорит Зевс:

Слово к собранью богов обращает Зевес Олимпиец:
«Странно, как смертные люди за всё нас, богов, обвиняют!
Зло от нас, утверждают они; но не сами ли часто
Гибель, судьбе вопреки, на себя навлекают безумством?»

(Одиссея. I, 31–34)

Данное обвинение людей в безумстве можно истолковать, на мой взгляд, как исторически **первую постановку проблемы рациональности** или, по меньшей мере, как указание на проблемную ситуацию: «Почему Человек разумный часто совершает безумные поступки?» Способность людей поступать «судьбе вопреки» спустя века назовут «свободой воли».

Вершина античного рационализма – разработанное Аристотелем учение о структуре познавательных способностей (о «частях души»). В этом учении выделяются четыре части: 1) *научная*, ее добродетель – мудрость, с помощью которой познаются первоначала; 2) *рассчитывающая* (составляющая мнение), ее добродетель – рассудительность; 3) *стремящаяся* (аффективная), ей соответствуют нравственные добродетели – например, благоразумие и щедрость; 4) *растительная*, у которой нет добродетели [12]. Единство познания и нравственности представлено Аристотелем предельно отчетливо. Античная философия, возникшая из бифуркации «миф – логос», на протяжении всей своей истории осененная символом Софии, продемонстрировала удивительную жизнестойкость: ее предельные основания не разрушили ни софисты, ни скептики, ни христианские теологи. Таким образом, кризис рациональности в античную эпоху был невозможен.

Предпосылки кризиса возникают в культуре европейского Средневековья, в процессе синтеза античной рационалистической философии и христианского вероучения. Противоречивый характер указанного процесса ярко проявляется в знаменитых спорах, в которых участвовали средневековые философы. Об одном из них В.С. Соловьев писал: «Западная философия начинается *раздвоением* между личным мышлением как разумом и общенародною верою как *авторитетом*...» [13, с. 7]. Споры о соотношении знания и веры, о природе универсалий, о свободе воли конституируют проблематику средневековой мысли, выявляют «неразрешимые» антиномии, превращающие оппонентов в непримиримых противников, ведущих идейную войну на «уничтожение». Именно в средневековой западноевропейской философии и теологии формируются, на наш взгляд, **предпосылки** обсуждаемого кризиса. Ближайшая из предпосылок – разделение философских учений на две линии: «*рационалистическую*» и «*мистическую*» [14, с. 626]. В интерпретации Соловьева, противоречие между философской истиной и религиозным догматом приводит к отрицанию последнего. Рационалистическая и мистическая линии, отмечает С.С. Неретина, были нераздельны вплоть до XIII в., когда произошел разрыв разума и веры в теории «двойственной истины».

В начале европейской философии Нового времени, подчеркивает Соловьев, «лежит также дуализм, но не между разумом и верою, а между разумом и природою, внешним миром, объектом разума» [15, с. 10]. Этот дуализм, названный позднее «*картезианской парадигмой*», трансформировался в течении XVII–XVIII вв. в примат разума и стал источником кризиса рациональности. «История философии есть борьба мыслящих людей», – утверждал В. Виндельбанд [16, с. 11]. Обсуждаемый кризис есть итог (не окончательный!) этой борьбы. В качестве основных проявлений кризиса можно выделить следующие его черты.

1. Субъективизм. Девиз Декарта «*Cogito ergo sum*» может быть истолкован в духе субъективного идеализма (хотя Мамардашвили толкует его как противоядие нигилизму). Поэтому Б. Рассел справедливо заключает, что во всякой философии, которая берет свое начало в философии Декарта, существует тенденция к субъективизму. Следовательно, указанная тенденция существует и в философии Канта. Интерпретируя кантовский субъективизм как «*самопознание человеческого разума*» [17], Виндельбанд все-таки вынужден признать, что в конечном счете разум превращается в замкнутый круг, из которого теоретическая философия не может выйти. Естественно возникают вопросы: «Интересует ли такую философию Природа, окружающий мир? Каким образом такая философия взаимодействует с естествознанием?» В «Наукоучении» Фихте провозглашает, что источником всяческой реальности является Я. Таким образом, эскалация субъективизма нарастает.

2. Дивергенция между философией и наукой. Высоко оценивая творчество Декарта, тем не менее Рассел констатирует: «У Декарта был неразрешимый дуализм между тем, что он черпал из современной ему науки, и схоластикой, которую он изучал в Ла Флеш» [18, с. 528]. Ньютону, оппоненту картезианской физики, эпоха Просвещения приписала два афоризма: «Физика, остерегайся метафизики!» и «Гипотез я не измышляю». Ценой такого упрощенного представления о методологии Ньютона его научная программа наряду с философией Локка была превращена в один из важнейших аргументов идеологии Просвещения [19, с. 250]. Негативное отношение Ньютона к «метафизике» и «гипотезам» объясняется, по-видимому, влиянием Локка, с которым Ньютон состоял в переписке. В результате длительной полемики между сторонниками Ньютона и Лейбница дивергенция между философией и наукой заметно возросла, поскольку из ньютоновской научной программы было полностью элиминировано ее философское ядро. Данное обстоятельство послужило, по мнению П.П. Гайденко, формированию позитивистского образа науки и ее истории. Как известно, позитивисты заявили: «Наука сама себе философия», утверждая тем самым нигилистическое отношение к философскому мышлению.

3. Испытание трансцендентальным. Неокантианец В. Виндельбанд в своем выдающемся очерке формулирует следующие постулаты, характеризующие философскую систему И. Канта: а) она одновременно заканчивает и преодолевает век Просвещения; б) она проникнута верой в могущество разума, которая коренится в нравственном разуме человеческого рода; в) особое место в ней занимает вопрос об оправдании наук, содержащих в себе априорные синтетические суждения. Все эти утверждения бесспорны, однако поставим вопрос о ее результативности: «Удалось ли трансцендентальной философии Канта преодолеть указанную дивергенцию?» Однозначного ответа на этот вопрос не может быть в принципе, поскольку его философия допускает самые различные толкования. Рискнем дать отрицательный ответ: «Нет, не удалось». Потому что этому препятствовали: элементы субъективного идеализма (феномены принадлежат сознанию) и агностицизма (идея вещи – в – себе); априоризм, который противоречит истории науки; разрыв между познанием и ценностями. Среди критиков Канта выделяется Шпенглер, который справедливо полагал: кто не проник в мир математики, тот не есть настоящий метафизик. Поэтому «Кант, как математик, лишен значения ... Шопенгауэр обнаруживает в этой области слабость, граничащую с тупостью, не говоря уже о Ницше» [20, с. 555–556]. Впрочем, сам Шпенглер обнаруживает не меньшую, а большую тупость в области физики, заявляя что «атомистика есть миф, а не опыт» [21]. Что бы ни утверждали классики немецкого идеализма о природе, их идеи противоречат истине, ибо естествознание материалистично, в его развитии доминируют материалистические стратегии (Х. Лэйси).

4. Эскалация иррационализма. Современником и соучастником обсуждаемой «борьбы мыслящих людей» был И.В. Гете. В его «Фаусте» гениально «зашифрована» история европейской культуры и цивилизации. Гете обнаружил и раскрыл одну из главных *антиномий человеческого бытия*. Спор о человеке (докторе Фаусте – поэтическом воплощении трансцендентального субъекта), который ведут в «Прологе на небе» Господь и Мефистофель, – это проект немецкой философской антропологии XX в. Обращаясь к Господу, Мефистофель формулирует свою версию:

Божок Вселенной, человек таков,
Каким и был он испокон веков.
Он лучше б жил чуть-чуть, не озари
Его ты божьей искрой изнутри.
Он эту искру разумом зовет
И с этой искрой скот скотом живет [22, с. 12].

Данную антиномию можно толковать по-разному: «божественное – человеческое», «человеческое – животное», «рациональное – иррациональное» и т. д. Такой антиномии нет у Канта, Гете превзошел и Канта, и Гегеля. Источниками эскалации философского иррационализма XIX в. являются кантовский дуализм знания и веры и гегелевский панлогизм. Убеждение Гегеля: «*Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно*» вызвало в качестве ответной реакции тезисы Шопенгауэра: а) «Мир – мое представление»; б) «Мир – моя воля»; в) «...Разум имеет одну функцию – образование понятия» [23]. Виндельбанд отмечает, что в конце философии Шопенгауэра явно и отчетливо выступает противоречие, «из которого она исторически вышла: неразумная воля произвела – если б только знать как! – разумное сознание, назначение которого состоит в том, чтобы преодолеть ее» [24, с. 369]. Почему Шопенгауэр становится пророком образованной публики? Потому, полагает Виндельбанд, что для этой публики искусство и наука служат *религией*, в которой она находит искупление от страдания в жизни.

В предисловии к «Закату Европы» Шпенглер заявляет, что своей философией он обязан Гете и Ницше. Эскалация иррационализма – но уже не философского, а социально-психологического, идеологического и политического – достигает своего апогея в нацистской Германии. Что нам Гекуба? Дело, однако, в том, что «Закат Европы» – не метафора, а реальный исторический процесс, современниками которого мы являемся. Кроме того, российское ТВ демонстрирует нам «Обыкновенный фашизм. Украинский вариант». Следовательно, иррационализм возрождается в других сферах общественной жизни.

II. Кризис рациональности в сфере идеологии и медиасфере. Когда и почему возникает феномен идеологии? Согласно К. Манхейму, в эпоху Возрождения в среде соотечественников Н. Макиавелли сложилась поговорка, что в palazzo мыслят иначе, чем на piazza. В XIX в. Людвиг Фейербах писал: «Во дворце мыслят иначе, чем в хижине, низкий потолок которой как бы давит на мозг» [25, с. 473]. К. Маркс и Ф. Энгельс охарактеризовали идеологию как *ложное сознание*, как превратное, отвлеченное и спекулятивное сознание, выдающее частный интерес определенного класса за всеобщий и противопоставляющее это «всеобщее» в виде требований «природы» интересам и созна-

нию индивидов в гражданском обществе [26, с. 16–35]. Благодаря Наполеону Бонапарту слово «идеология» впервые получило негативное, уничижительное значение, суть которого выражается следующими формулами: а) идеология – это мышление противника; б) это мышление ирреально по отношению к практике политического деятеля; в) оно является несостоятельным [27, с. 67].

Если идеология есть ложное сознание, то можно ли применительно к ней говорить о кризисе рациональности? Данная возможность, на мой взгляд, обоснована следующими аргументами: 1) логико-эпистемологическим – существует понятие «степень истинности» (это число, принадлежащее отрезку $[0, 1]$, где 0 означает «ложь», а 1 – «истина»), следовательно, идеология I_1 может располагаться на этом отрезке *правее* идеологии I_2 : $I_1 > I_2$; 2) социально-историческим – буржуазная идеология «прогрессивнее» феодальной; 3) практическим – *парадокс*, или «хитрость Разума» по Гегелю, заключается в том, что идеологии неустранимы, пока существуют социальные неравенства [28]. Весомые эмпирические аргументы «за» представлены в том разделе монографии акад. РАН М.К. Горшкова [29], где анализируются идеологические предпочтения разных страт нашего общества.

Понятие «степень истинности» коррелирует с нормами рациональности. Например, коммунистическая идеология в СССР открыто ориентировалась на науку, а нацистская – на донаучные, архаические формы общественного сознания. Видный американский дипломат Джек Мэтлок дал своей книге [30] весьма красноречивый подзаголовок – «Как мифы и ложные идеи завели Америку не в ту сторону – и как вернуться в реальность». Он вопрошает: «Как случилось, что США превратились из страны, полной уверенности в себе, в страну, раздираемую противоречиями и объятую широко распространенным страхом?» Мэтлок полагает: это произошло благодаря тому, что высшие руководители США строили свою политику на мифах и ложных идеях. Он не льстит и нашим руководителям: «... Советский Союз развалился как государство, так как был основан на идеологии, побуждавшей его руководителей смотреть на мир теоретически, а не реалистически» [31]. Далее дипломат констатирует, что ни одна из теорий международных отношений оказалась не в состоянии предсказать то, как в действительности окончилась холодная война.

Мэтлок справедливо утверждает, что в 1990-е гг. США стали доминирующей державой, у них не было соперников. Они были воплощением *power*: «Это и есть мощь во всех ее формах – способность привлекать к себе, способность убеждать, способность заставить, способность уничтожить» [32]. Далее дипломат фиксирует наличие двух альтернатив использования достигнутой *power*. Первая – **разумное использование**: эта мощь могла бы способствовать трансформации мировой политики. Вторая – **неразумное использование**, при котором эту огромную мощь можно было быстро растратить. Согласно Мэтлоку, президенты США – от Клинтона до Обамы – реализовывали вторую альтернативу (неразумную, нерациональную), потому что руководствовались ложными идеями, идеологическими иллюзиями.

Необходимо подчеркнуть, что вполне аналогичный кризис рациональности происходил в СССР и происходит в постсоветской России на протяжении последних трех десятилетий. Отечественный исследователь С.Г. Кара-Мурза анализирует этот кризис в серии своих многочисленных публикаций. Отвергая тезис «Россия – постмодернистская страна», он отмечает, что «постмодернизм – это радикальный отказ от норм Просвещения, от классической логики, от рационализма и понятия рациональности вообще. Это стиль, в котором “всё дозволено”, “апофеоз беспочвенности”. Здесь нет понятия истины, а есть лишь суждения, конструирующие любое множество реальностей...» [33, с. 34]. В качестве основных проявлений кризиса рациональности в отечественном социально-политическом дискурсе Кара-Мурза выделяет следующие: 1) *уход от фундаментальных вопросов*. «Депутаты не задают таких вопросов правительству, избиратели депутатам, читатели газете и т. д. И ладно бы только публично не задавали вопросов, но этого, похоже, не делается и между близкими людьми и даже про себя» [34]. Вопросание – начало мышления, следовательно, людей отучают мыслить самостоятельно, независимо от СМИ, критически; 2) *гипостазирование* – приписывание абстрактным понятиям самостоятельного существования. Во времена Аристотеля это было логической ошибкой, а ныне – это излюбленный прием идеологов, манипулирующих понятиями «свобода», «демократия», «европейские ценности» и т. п.; 3) *некогерентность рассуждений*. Кара-Мурза использует критерии рациональности, предложенные Хьюбером; 4) *аутистическое сознание*, уходящее от реальных социальных противоречий; 5) *разрушение меры* – прием манипуляции статистическими данными; 6) *мифотворчество* и многие другие.

В главном выводы и Мэтлока, и Кара-Мурзы совпадают: «**Идеология подавляет реальность**». Данный вывод в равной мере относится как к либеральной (неолиберальной) идеологии, доминирующей на Западе, так и к марксистско-ленинской идеологии, провозглашенной в СССР в качестве государственной. Поскольку идеология воплощается в политике государств и партий, постольку другие факторы «помутнения общественного рассудка» целесообразно рассмотреть в следующем разделе.

III. Кризис рациональности в сфере политического дискурса и действия. В силу необъятности темы ограничимся политикой в области образования и науки. «Образование – это самое эффективное средство, с помощью которого государство формирует людей по своему подобию», – писал в 1938 г. М. Хальбвакс в предисловии к «Эволюции педагогики во Франции» Эмиля Дюркгейма. Прошедшие десятилетия показали: традиционная (присущая индустриальному обществу) система образования находится в состоянии глубокого кризиса. Этот факт является общепризнанным как для западных, так и для российских ученых-обществоведов. Например, М. Нуссбаум пишет: «Мы переживаем масштабный кризис общемирового значения» [35]. Речь идет о *всемирном кризисе в образовании*, который характеризуется следующими признаками: а) он в целом остается незамеченным, подобно раковой опухоли; б) в долгосрочной перспективе он грозит демократическому самоуправлению значительными разрушениями; в) он проявляется в резком сокращении объемов изучаемых гуманитарных наук и различных видов искусств. В российских СМИ, контролируемых левыми партиями, этот кризис и хаотические «реформы», направленные якобы на его преодоление, именуют не иначе как «дебилизация всей страны». Каковы же причины данного кризиса? Анализ западной и российской научной литературы позволяет выявить следующие его существенные факторы.

1. Доминирование либеральной идеологии. Так, проф. А.В. Перцев (Уральский федеральный университет) пишет: «Эта революция двоечников охватила западный мир после Второй мировой войны, со всемирным торжеством идей либерализма и демократии. Двоечники наряду с другими угнетаемыми меньшинствами принялись активно бороться за свои права. И – достигли ошеломляющего успеха!» [36, с. 34]. Абсурдность ситуации достигает апогея, если учесть «запрет на идеологию», закрепленный в Конституции Российской Федерации (разд. первый, гл. 1, ст. 13). Экономические реформы 90-х гг. проводились под знаменами либеральной идеологии; их негативные последствия до сих пор определяют все стороны общественной жизни в России.

2. Рыночный фундаментализм (или экономикоцентризм). Дж. Сорос утверждал, что рыночный фундаментализм представляет сегодня большую опасность для открытого общества, чем тоталитарная идеология. Оценивая результаты реформ, С.Ю. Глазьев отмечает: «Совершенная в России либерально-демократическая революция быстро перешла в криминальную, и вместо высокоразвитой рыночной экономики Россия оказалась в роли колонии, эксплуатируемой компрадорской олигархией» [37, с. 34]. Каким образом это обстоятельство связано с кризисом рациональности? Для ответа на этот вопрос ключевым словом служит «*колония*»: правительственные чиновники (для которых, по словам М. Хазина, Солнце всходит в Вашингтоне) начали перестраивать отечественную науку и образование по образцу «метрополии». Им невдомек, что выбран один из худших образцов. Система образования, признает Дж. Мэтлок, «в большинстве штатов отстает от многих стран, особенно в преподавании математики и естественных наук» [38]. Но ведь именно в этих дисциплинах советская система была мировым лидером... Самым убедительным доказательством рыночно-фундаменталистской природы реформ в образовании служит принцип подушевого финансирования школ и вузов. Несмотря на всеобщее падение грамотности, чиновники не отказываются от указанных догм и пагубного курса «реформ».

3. Глобализация. Подобно другим социальным явлениям, глобализация амбивалентна; следовательно, амбивалентны и научные подходы к ее пониманию. В нашей литературе можно выделить два подхода. Первый, «оптимистический», берет начало от работ А.Д. Сахарова, который полагал, что конвергенция капитализма и социализма является необходимым условием решения глобальных проблем современности [39]. Второй, «пессимистический», представлен в работах А.А. Зиновьева, С.Г. Кара-Мурзы, А.С. Панарина и других. Он имеет своих сторонников и на Западе: так, например, Г. Киссинджер откровенно заявлял, что *глобализация – это американизация*. Согласно Панарину, американский глобализм – это тоталитарная экономическая власть финансовой олигархии, преследующая планетарные амбиции [40, с. 21]. Данная концепция убедительно, на наш взгляд, объясняет кризис рациональности в России. Этот кризис есть результат политики постколониализма, проводимой, по мнению Панарина, Западом и его подручными в странах не-Запада. Он отмечает, что «прямой агрессии компрадорской техноэкономической бюрократии, направленной на деиндустриализацию и деинтеллектуализацию собственной страны по указке Запада, предшествует социокультурная агрессия, направленная на дискредитацию национальных традиций и идеалов, на манкуртизацию местного населения» [41, с. 231]. В данном объяснении главную роль играет синергия экономических, идеологических и политических факторов. К аналогичным выводам приходят и авторы, указанные выше.

А чем объясняют кризис рациональности на Западе? Как это ни парадоксально, но, благодаря глобализации, кризис порождают названные ранее факторы: неолиберализм и рыночный фундаментализм. Они выделяются, в частности, в указанной книге М. Нуссбаум.

4. Компьютерный фундаментализм. Это новейшая версия технологического детерминизма, порожденная революцией в информационно-коммуникационных технологиях (ИКТ-революцией). На заре этой революции многие авторы полагали, что все в обществе автоматически изменится к лучшему: «Интернет – это решение всех наших проблем. Экономика расцветет и будет приносить пользу всем и каждому, этнические и культурные конфликты исчезнут, поскольку им не будет места во всемирном “цифровом сообществе”» [42, с. 12]. Со временем энтузиазм заметно поубавился. Вспомнили о том, что еще в 1950-е гг. Н. Винер предупреждал: новая техника может быть использована для уничтожения человечества. Ныне очевидно, что это не обязательно физическое уничтожение – достаточно отучить людей рационально мыслить, тем более что ИКТ многократно увеличивают возможности манипулировать их сознанием и поведением. Самый примитивный компьютерный интеллект, по словам А.А. Зиновьева, возведен в ранг святости и вершины прогресса. Кем возведен? Экспертами и политиками, исповедующими квазирелигию рыночного и компьютерного фундаментализма.

5. Разрушение ценностного сознания. Еще в 1918 г. Макс Вебер констатировал, что «высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы» [43, с. 148]. В информационном обществе «успешно» воплощаются сюжеты и лозунги, описанные в знаменитых антиутопиях XX в. Например, «принцип *двоемыслия*», то есть всеобщее раздвоение сознания как результат манипулирования им; лозунги: ВОЙНА – ЭТО МИР, СВОБОДА – ЭТО РАБСТВО, НЕЗНАНИЕ – ЭТО СИЛА; наука, почти прекратившая свое существование; новояз; БОЛЬШОЙ БРАТ и другие, ярко изображенные в романе Дж. Оруэлла «1984». Глобализация и бесконтрольное применение ИКТ в сферах образования и культуры [44] формируют, по словам М. Нуссбаум, целые государства людей, утративших способности мыслить рационально, гуманитарно, критически, тупых, покорных и «алчных добытчиков, у которых нет воображения». Другими словами, Человек разумный вырождается в Человека потребляющего. Очевидно, что такой *тип личности* не только не способен к созданию достойной мировой культуры, но и угрожает самому существованию цивилизации. Указанная перспектива приводит к пессимистическому выводу: «Наиболее вероятный конец человечества – воинствующая глупость. Человечество погибнет от своей глупости» [45, с. 521].

Не хочется верить этому мрачному предсказанию... На что же, кроме «чуда», можно надеяться? Проще всего сформулировать некоторые «рецепты» оздоровления общества, но ими никто из политиков не воспользуется. Профессиональный долг указывает, что архимедову «точку опоры» следует искать в продолжении традиций великой русской культуры. Прежде всего речь идет о воплощенных в ней чертах русского народа, которые Соловьев подчеркнул во второй речи в память Достоевского [46, с. 304]. Далее необходимо отметить актуальность идеи Н.Я. Данилевского, которую мы обозначаем как **«тезис антиглобализма»**: он был убежден, что «самобытность политическая, культурная, промышленная составляет тот идеал, к которому должен стремиться каждый исторический народ, а где недостижима самобытность, там, по крайней мере, должно охранять независимость» [47, с. 306]. Наш гражданский долг – сохранять и развивать историческую самобытность русской философии, науки, образованности, культуры.

Ссылки:

1. Энциклопедия мудрости. Тверь, 2011.
2. Там же. С. 74.
3. Кант И. Сочинения : в 8 т. М., 1994.
4. Швырёв В.С. Рациональность как ценность культуры. М., 2003.
5. Решер Н. Границы когнитивного релятивизма // Вопросы философии. 1995. № 4.
6. Фейерабенд П. Прощай, разум. М., 2010.
7. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. СПб., 2011.
8. Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996.
9. Masuda Y. The Information Society as Post-industrial Society. Tokio, 1981.
10. Соловьев В.С. Кризис западной философии (против позитивистов) // Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. М., 1990. Т. 2.
11. Сёмушкин А.В. У истоков европейской рациональности. М., 1996.
12. Аристотель. Сочинения : в 4 т. М., 1984. Т. 4.
13. Соловьев В.С. Указ. соч.
14. Неретина С.С. Средневековая западноевропейская философия // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010. Т. 3.
15. Соловьев В.С. Указ. соч.
16. Виндельбанд В. От Канта до Ницше. М., 1998.
17. Там же. С. 114.
18. Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 1997.
19. Гайденок П.П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. М., 2000.
20. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1998. Т. 1.
21. Там же. С. 578.
22. Гете И.В. Избранные произведения : в 2 т. СПб., 1997. Т. 1.
23. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Минск, 2007.
24. Виндельбанд В. Цит. соч.

25. Антология мировой философии : в 4 т. М., 1971.
26. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Сочинения. Т. 3.
27. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
28. Прытков В.П. Неустрашимость и амбивалентность идеологии // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 41–46.
29. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. М., 2011.
30. Мэтлок Дж., мл. Сверхдержавные иллюзии. М., 2011.
31. Там же. С. 13.
32. Там же. С. 165.
33. Кара-Мурза С.Г. Потерянный разум. М., 2006.
34. Там же. С. 208.
35. Нуссбаум М. Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки. М., 2014.
36. Перцев А.В. Почему Европа не Россия (Как был придуман капитализм). М., 2005.
37. Глазьев С.Ю. Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо». М., 2011.
38. Мэтлок Дж. Указ. соч. С. 283.
39. См.: 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 17.
40. Панарин А.С. Народ без элиты. М., 2006.
41. Панарин А.С. Правда железного занавеса. М., 2006.
42. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. Стокгольмская школа экономики. СПб., 2005.
43. Цит. по: Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.
44. Коллизии культуры в информационном обществе. Екатеринбург, 2014.
45. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М., 2006.
46. Соловьев В.С. Сочинения : в 2 т. М., 1990. Т. 2.
47. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций. М., 2014.

References:

1. *Encyclopedia of wisdom* 2011, Tver.
2. *Encyclopedia of wisdom* 2011, Tver, p. 74.
3. Kant, I 1994, *Works: 8 vol.*, Moscow.
4. Shvyrev, VS 2003, *Rationality as the value of culture*, Moscow.
5. Resher, N 1995, 'Boundaries of cognitive relativism', *Problems of Philosophy*, no. 4.
6. Feyerabend, P 2010, *Farewell mind*, Moscow.
7. Mamardashvili, MK 2011, *Consciousness and civilization*, St. Petersburg.
8. Huebner, K 1996, *The truth of myth*, Moscow.
9. Masuda, Y 1981, *The Information Society as Post-industrial Society*, Tokio.
10. Soloviev, VS 1990, 'Crisis of Western Philosophy (against the positivists)', in Soloviev, VS, *Works in 2 volumes*, Moscow, vol. 2.
11. Semushkin, AV 1996, *At the root of European rationality*, Moscow.
12. Aristotle 1984, *Compositions: 4 vol.*, Moscow, vol. 4.
13. Soloviev, VS 1990, 'Crisis of Western Philosophy (against the positivists)', in Soloviev, VS, *Works in 2 volumes*, Moscow, vol. 2.
14. Neretina, SS 2010, 'Medieval Western philosophy', *New Encyclopedia of Philosophy: 4 vols.*, Moscow, vol. 3.
15. Soloviev, VS 1990, 'Crisis of Western Philosophy (against the positivists)', in Soloviev, VS, *Works in 2 volumes*, Moscow, vol. 2.
16. Windelband, V 1998, *From Kant to Nietzsche*, Moscow.
17. Windelband, V 1998, *From Kant to Nietzsche*, Moscow, p. 114.
18. Russell, B 1997, *History of Western Philosophy*, Novosibirsk.
19. Gaidenko, PP 2000, *The history of modern European philosophy in its relation to science*, Moscow.
20. Spengler, O 1998, *The Decline of Europe*, Moscow, vol. 1.
21. Spengler, O 1998, *The Decline of Europe*, Moscow, vol. 1, p. 578.
22. Goethe, IV 1997, *Selected Works in 2 volumes*, St. Petersburg, vol. 1.
23. Schopenhauer, A 2007, *The World as Will and Representation*, Minsk.
24. Windelband, V 1998, *From Kant to Nietzsche*, Moscow.
25. *Anthology of world philosophy: in 4 vols.* 1971, Moscow.
26. Marx, K and Engels, F 1955, 'The German Ideology', *Works*, vol. 3.
27. Mannheim, K 1994, 'Ideology and Utopia', in Mannheim, K, *Diagnosis of our time*, Moscow.
28. Prytkov, VP 2014, 'Fatal and ambivalence ideology', *Theory and practice of social development*, no. 3, p. 41-46.
29. Gorshkov, MK 2011, *Russian society as it is*, Moscow.
30. Matlock-j, J 2011, *Superpower illusions*, Moscow.
31. Matlock-j, J 2011, *Superpower illusions*, Moscow, p. 13.
32. Matlock-j, J 2011, *Superpower illusions*, Moscow, p. 165.
33. Kara-Murza, SG 2006, *Lost mind*, Moscow.
34. Kara-Murza, SG 2006, *Lost mind*, Moscow, p. 208.
35. Nussbaum, M 2014, *Not for the sake of profit. Why democracy needs the humanities*, Moscow.
36. Pertsev, AV 2005, *Why Europe is Russia (How was invented capitalism)*, Moscow.
37. Glazyev, SY 2011, *Lessons another Russian revolution: the collapse of the liberal utopia and a chance to "economic miracle"*, Moscow.
38. Matlock-j, J 2011, *Superpower illusions*, Moscow, p. 283.
39. See: 50/50: *Experience a new vocabulary of thinking* 1989, Moscow, p. 17.
40. Panarin, AS 2006, *People without elite*, Moscow.
41. Panarin, AS 2006, *The truth of the Iron Curtain*, Moscow.

42. Bard, A & Zoderkvist, J 2005, *Netocracy The new ruling elite and life after capitalism*. Stockholm School of Economics, St. Petersburg.
43. Op. by: *Self-awareness of European culture of the XX century* 1991, Moscow.
44. *Conflicts of culture in the information society* 2014, Ekaterinburg.
45. Zinoviev, AA 2006, *Factor of understanding*, Moscow.
46. Soloviev, VS 1990, *Works in 2 volumes*, Moscow, vol. 2.
47. Danilevsky, NY 2014, *Russia and Europe. The era of the clash of civilizations*, Moscow.